

А.Д.Тюриков

«Нездешние берега» жизни и творчества В.С.Соловьева

*...Мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам...*

Владимир Соловьев

*Мы – Вечности обеты
В лазури Красоты.*

Вячеслав Иванов

В 1898 году философ, поэт, мыслитель Владимир Соловьев создает поэму «Три свидания», чтобы, как он написал, «воспроизвести в шутливых стихах самое значительное из того, что до сих пор случилось со мною в жизни. Два дня воспоминания и созвучия неудержимо поднимались в моем сознании, и на третий день была готова эта маленькая биография» (17, с. 124). И в поэме Соловьев пишет:

Тому минуло тридцать шесть годов,
Как детская душа нежданно ощутила
Тоску любви с тревогой смутных снов (17, с. 119).

И эти «смутные и странные сны» наиболее важные и главные события его детства. Происходило первое соприкосновение с незримым, первое вхождение в иной мир. Уже в раннем возрасте «благодатная тень» тронула его детское сознание «своим крылом» и «голос волшебный» позвал в «чудную сказку». «На поверхности были игры с братьями и сестрами, сказки и стихи, – писал литературовед и философ К.В.Мочульский, – а в глубине душа ребенка жила в таинственном мире, в видениях и мистических грезах, и это “ночное сознание”, полуявь и полусон, чувство, почти невыразимое словами, и определило собой всю его дальнейшую судьбу» (3, с. 563).

В девять лет Володя Соловьев имел первое свидание с таинственной подругой, с Сущностью из инобытия. В майский день, во храме, в праздник Вознесения, под звуки херувимской песни предстала Она ему с «улыбкою лучистой», «в руке держа цветок нездешних стран»:

Алтарь открыт... Но где священник, дьякон?
И где толпа молящихся людей?
Страстей поток, – бесследно вдруг иссяк он.
Лазурь кругом, лазурь в душе моей.

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылась в туман (17, с. 119).

Таинственная богиня не раз посещала «туманными ночами» комнату, в которой спал Володя:

Близко, далеко, не здесь и не там,
В царстве мистических грез,
В мире, невидимом смертным очам,
В мире без смеха и слез,

Там я, богиня, впервые тебя
Ночью туманной узнал.
Станным ребенком был я тогда,
Станные сны я видал.

В образе чуждом являлася ты,
Смутно твой голос звучал,
Смутным сознанием детской мечты
Долго тебя я считал (17, с. 24).

* * *

«“Новая Жизнь начинается”, – перед этим заголовком в книге памяти моей не многое можно прочесть» (8, с. 21), – вспоминает Данте об обретении его Духом истинной родины, о втором своем рождении, случившемся через девять лет после первого. И Данте, и Соловьев родились дважды: первый раз от плоти, а во второй – от Духа. «Если кто не родится <...> от Духа, не может войти в Царство Божие», – говорится в Евангелии (Иоан. 3, 5). «Кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое», – сказал апостол Павел (2 Кор. 5, 17).

15 мая 1275 года произошло величайшее событие в жизни Данте. «...Девять раз, от моего рождения, Небо Света возвращалось почти к той же самой точке своего круговращения, – когда явилась мне впервые <...> облеченная в одежду смиренного и благородного цвета, как бы крови, опоясанная и венчанная так, как подобало юнейшему возрасту ее, – Лучезарная Дама души моей, называвшаяся многими, не знавшими настоящего имени ее, – Беатриче» (8, с. 26–27). «Одежда как бы крови» – это «одежда алая, как живое пламя» (8, с. 27). Имя «Беатриче» означает «Благодатная» – пришедшая из Мира Высшего. Данте пишет о встрече с Ней много лет спустя в «Божественной Комедии»:

В тот день, когда она явилась мне...
Я был еще ребенком, но внезапно
Такую новую узнал я страсть...
Что пал на землю, в сердце пораженный,

Как молнией (8, с. 28).

Через сорок лет Данте скажет, как мог бы сказать в день той первой встречи с Нею:

Я древнюю любовь мою узнал (8, с. 28).

И образы иного мира не оставляли сознание Данте и далее: «С этого дня (первой с нею встречи) <...> бог Любви воцарился в душе моей так, <...> что я вынужден был исполнять все его желания. Много раз повелевал он мне увидеть этого юнейшего Ангела. Вот почему, в детстве, я часто искал ее увидеть, и видел» (8, с. 32).

В период взросления эти образы, по всей видимости, и Данте, и Соловьева тревожили все реже и реже.

* * *

В отроческие годы В.Соловьев вступил в период резкого религиозного кризиса, о чем рассказывает в своей автобиографии: «Самостоятельное умственное развитие началось у меня с появления религиозного скептицизма на тринадцатом году жизни. Ход моих мыслей в этом направлении был совершенно последователен, и в четыре года я пережил один за другим все фазисы отрицательного движения европейской мысли за последние четыре века. От сомнения в необходимости религиозности внешней, от иконоборства, я перешел к рационализму, к неверию в чудо и в божественность Христа, стал деистом, потом пантеистом, потом атеистом и материалистом» (20, с. 37). Период нигилизма длился у В.Соловьева с 12 до 16 лет. В 1869 году он поступил в Московский университет, когда только начал выбираться из отроческого материализма. Соловьев вспоминал: «Я поступил в университет с вполне определившимся отрицательным отношением к религии и с потребностью нового положительного содержания для ума» (20, с. 38). Главным его интересом была, конечно, философия, читавшаяся в университете П.Д.Юркевичем. Этот ученый помог Соловьеву справиться с охватившим его атеизмом и материализмом. Юркевич имел мужество одним из первых выступить в 60-е годы XIX века в своих сочинениях в защиту духовных основ бытия. Он был философом-платоником, автором работ «Сердце и его назначение в духовной жизни человека», «Из науки о человеческом духе», «Идея» и др. Благом было для Соловьева встретить в начале своего жизненного пути такого наставника. Характеризуя мировоззренческие взгляды своего университетского учителя, В.Соловьев писал: «...Мировое бытие в своей совокупной эволюции тяготеет к надмирной области неизменно и вечно сущего, которым определяется и от которого зависит смысл всего действительно существующего, – этот взгляд всегда господствовал в мыслях и трудах покойного Памфила Даниловича Юркевича» (13, с. 391). И еще: «Я помню, что <...> в мае 1873 г. он целый вечер объяснял мне, что здравая философия была только до Канта, и что последними из настоящих великих философов следует считать Якова Бема, Лейбница и Сведенборга» (5, с. 200).

Студенческие годы Соловьева – период духовного роста и мучительных исканий, в нем происходила громадная умственная работа. Он подробно изучает западноевропейскую философию: труды Б.Спинозы, И.Канта, И.Фихте, Ф.Шеллинга, Г.Гегеля, А.Шопенгауэра, О.Конта. И приходит к выводу, что «отказом от познания сущности бытия, ограничением области знания миром явлений – вот чем <...> заканчивается многовековое развитие европейской мысли» (3, с. 578).

Начало 1870-х годов – время мировоззренческого перелома, происходившего с В.Соловьевым. Он приходит к новой, сознательной вере, познает «Бога действительного и живого» (17, с. 166). Как раз к этому периоду относится эпизод, описанный в повести «На заре туманной юности» – Соловьев вспомнил его через двадцать лет: «...Я видел только яркий солнечный свет, полосу синего неба, и в этом свете и среди этого неба склонялся надо мною образ прекрасной женщины, и она смотрела на меня чудно знакомыми глазами и шептала мне что-то тихое и нежное.

<...> Каким розовым светом горит ее лицо, как она высока и величественна! Внутри меня свершилось что-то чудесное. Как будто все мое существо со всеми мыслями, чувствами и

стремлениями расплавилось и слилось в одно бесконечное сладкое, светлое и бесстрастное ощущение, и в этом ощущении, как в чистом зеркале, неподвижно отражался один чудный образ, и я чувствовал и знал, что в этом одном было все. Я любил новую, всепоглощающую и бесконечной любовью и в ней впервые ощутил всю полноту и смысл жизни.

<...> Теперь только я понял, что есть Бог в человеке, что есть добро и истинная радость в жизни, что ее цель не в холодном, мертвом отрицании...» (17, с. 152). Происшедшее яркое событие аналогично первому детскому видению, посетившему Соловьева ровно десять лет назад. И там, и здесь – откровение Вечной Женственности и чувство божественности мира. И это событие привело его к Богу.

В 1873 году В.Соловьев оканчивает университет и продолжает учебу в Московской Духовной академии, где изучает труды Отцов церкви, а также сочинения Я.Беме, Э.Сведенборга, Т.Парацельса и других известных европейских философов-провидцев. В это время он пишет следующие строки тоном человека окончательно выяснившего свое призвание: «...Я принадлежу не себе, а тому делу, которому буду служить и которое не имеет ничего общего с личными чувствами, с интересами и целями личной жизни.

<...> Но я имею совершенно другую задачу, которая с каждым днем становится для меня все яснее, определеннее и строже. Ее посильному исполнению посвящу я свою жизнь.

<...> Я не только надеюсь, но так же уверен, как в своем существовании, что истина, мною сознанная, рано или поздно будет признана и другими, признана всеми, и тогда своею внутреннею силою преобразит она весь этот мир лжи, навсегда с корнем уничтожит всю неправду и зло жизни личной и общественной, – грубое невежество народных масс, мерзость нравственного запустения образованных классов, кулачное право между государствами – ту бездну тьмы, грязи и крови, в которой до сих пор бьется человечество; все это исчезнет как ночной призрак перед восходящим в сознании светом вечной Христовой истины, доселе непонятой и отверженной человечеством, – и во всей своей славе явится царство Божие – царство внутренних духовных отношений, чистой любви и радости – новое небо и новая земля, в которых правда живет...» (17, с. 170–172).

Но что же делать, чтобы приблизить «новое небо и новую землю»? Соловьев пишет в августе 1873 года: «Я знаю, что всякое преобразование должно делаться изнутри – из ума и сердца человеческого. Люди управляются своими убеждениями, следовательно, нужно действовать на убеждения, убедить людей в истине. <...> Предстоит задача: ввести вечное содержание христианства в новую, соответствующую ему, т.е. разумную безусловно, форму. Для этого нужно воспользоваться всем, что выработано за последние века умом человеческим: нужно усвоить себе всеобщие результаты научного развития, нужно изучить всю философию. Это я делаю и еще буду делать. Теперь мне ясно, как дважды два четыре, что все великое развитие западной философии и науки, по-видимому, равнодушное и часто враждебное к христианству, в действительности только вырабатывало для христианства новую, достойную его форму. И когда христианство действительно будет выражено в этой новой форме, явится в своем истинном виде, тогда само собой исчезнет то, что препятствует ему до сих пор войти во всеобщее сознание, именно его мнимое противоречие с разумом. Когда оно явится, как свет и разум, то необходимо сделается всеобщим убеждением, – по крайней мере, убеждением всех тех, у кого есть что-нибудь в голове и в сердце. Когда же христианство станет действительным убеждением, т.е. таким, по которому люди будут жить, осуществлять его в действительности, тогда очевидно все измениться» (17, с. 174–175). Цель жизни Соловьева предельно ясна: донести людям Божественную Истину, изменив их сознание; Истину следует сделать доступной пониманию, т.е. разумной, соединив веру с разумом, религию – с наукой, с философией. И решение отдать всего себя на служение Истине было для Владимира Соловьева ни мгновением увлечением, ни порывом воображения. Это был подлинный героический акт, ответственный и сознательный, стоивший ему тяжелой борьбы. Он отказывался от личной жизни, счастья и покоя, жертвовал собой и заранее принимал все испытания и страдания.

Интересны воспоминания о В.Соловьеве времен его молодости: «...Он поразил меня как человек необыкновенный: печать избранника судьбы, высокоодаренного, носившего в себе божественный огонь, была ясно видна на его лице...» (3, с. 573); «...Преобладающей чертой этого прекрасного лица <...> покажется нам – строгая чистота, энергия, готовность к борьбе» (3, с. 572); «...Самое это лицо прекрасно и с необычайно одухотворенным выражением, как бы не от мира

сего; мне думается, такие лица должны были быть у христианских мучеников» (20, с. 84); «С него можно было бы писать или библейского пророка, иди демона...» (3, с. 123).

Во время учебы в Духовной Академии с В.Соловьевым происходит важное событие, изменившее его планы. Вот, что пишет философ П.А.Флоренский: «Нужно думать, что именно из академии, по-видимому, вынес эту идею <Софии> Соловьев, так как после академии он специально посвящает себя поискам литературы в этом направлении (путешествие за границу). Мне представляется, что Соловьев поступил в академию просто для занятий богословием и историей церкви, но потом, набредя тут на предустановленную в его душе идею Софии, бросил и академию, и богословие вообще и занялся специально Софией» (5, с. 344). Наконец, В.Соловьев начинает понимать Кто приходил к нему в видениях и философски осмысливать это явление. Он принимает решение защитить магистерскую диссертацию по философии, что давало ему возможность надолго отправиться в научную командировку за границу.

В своей диссертации «Кризис западной философии» В.Соловьев критикует рационалистические и эмпирические направления в западноевропейской науке, отсутствие в ней инобытийной составляющей. И приходит к выводу, что «есть всеединое первоначало всего существующего», которое «представляет несомненно духовный характер» и не зависит от «нашего сознания и первее его» (18, с. 131). Следующий важный вывод к которому пришел Соловьев в своей работе сводился к тому, что «последние необходимые результаты западного философского развития утверждают в форме рационального познания те самые истины, которые в форме веры и духовного созерцания утверждались великими теологическими учениям Востока» (18, с. 138). По сути дела, Соловьев создавал новую философию, тесно соотнесенную с жизнью, показывающую связь человека с Высшим Миром, выводящего его сознания за пределы материального мира, осуществлял синтез науки и религии. Уже в первой работе молодого ученого появляются элементы его положительной философии – учения о Всеединстве.

После защиты диссертации Соловьев готовился к заграничной командировке и был охвачен особым вдохновением. Чтение философской литературы, чувство близости нового откровения Вечной Женственности – все это заставляло его жить в особом духовном напряжении. «Говорил он также, – вспоминала Е.М.Поливанова, – о своих широких замыслах в будущем. Он в то время горячо верил в себя, верил в свое призвание совершить переворот в области человеческой мысли. Он стремился примерить веру и разум, религию и науку, открыть новые, неведомые до тех пор пути для человеческого сознания. Когда он говорил об этом будущем, он весь преображался. Его серо-синие глаза как-то темнели и сияли, смотрели не перед собой, а куда-то вдаль, вперед, и казалось, что он уже видит перед собой картины этого чудного грядущего.

В такие минуты я также уносила мыслью вперед, а на него смотрела с благовейным восхищением, думая про себя: “Да, он пророк, провозвестник лучшего будущего, вождь более совершенного человечества!”» (6, с. 55).

В июне 1875 года В.Соловьев прибывает в Лондон, где работает в библиотеке Британского музея и изучает памятники индийской, гностической и средневековой философии. Он изучает рукописи и работы о Каббале, книги Я.Беме, Э.Сведенборга, Дж. Пореджа, Т.Парацельса, Г.Гихтеля, Г.Арнольда, Агриппы, Сен-Мартена.

В будущем Соловьев познакомится с трудами Е.П.Блаватской. В начале 1880-х годов он являлся в течение двух лет подписчиком издаваемого ею журнала «Теософ». В 1890 году он пишет рецензию на ее книгу «Ключ к теософии», вслед за тем – очерк о ней для биографического словаря С.А.Венгерова. Из этих статей ясно, что философ внимательно изучал книги Е.П.Блаватской: «Разоблаченная Изида», «Тайная Доктрина» и «Ключ к теософии».

В отношении некоторых авторов, перечисленных выше, В.Соловьев выскажется позже, в 1877 году: «У мистиков много подтверждений моих собственных идей, но никакого нового света, к тому же почти все они имеют характер чрезвычайно субъективный и, так сказать, слюнвяый. Нашел трех специалистов по Софии: Георг Гихтель, Готфрид Арнольд и Джон Поредж.

Все трое имели личный опыт, почти такой же, как мой, и это самое интересное, но собственно в теософии все трое довольно слабы, следуют Бэму, но ниже его. Я думаю, София возилась с ними больше за их невинность, чем за что-нибудь другое. В результате настоящими людьми все-таки оказываются только Парацельс, Бэм и Сведенборг, так что для меня остается поле очень широкое» (14, с. 200).

В Лондоне молодой философ искал ключ к тайным знаниям, пытался найти объяснение своим иномирным видениям. Изучая в Британском музее литературу о Софии Премудрости Божией, он жаждал встречи с Ней. И София откликнулась на его призыв:

И вот однажды – к осени то было –
Я ей сказал: «О божества расцвет!
Ты здесь, я чувю, – что же не явила
Себя глазам моим ты с детских лет?»

И только я помыслил это слово, –
Вдруг золотой лазурью все полно,
И предо мной она сияет снова –
Одно ее лицо – одно оно.

И то мгновенье долгим счастьем стало... (17, с. 120–121)

После этого события на страницах нового философского труда В.Соловьева «София. Начала вселенского учения» появляются записи информации, которую он принимал из Инобытия. Вот первая из них: «София. Я воротилась к тебе, жизнь моя. Я приду к тебе завтра. Мне хотелось бы стать живой для тебя. София» (19, с. 43). На этом же листе следующие строки нового сочинения: «Поскольку они <явления> не могут исходить из абсолютного существа, в котором все абсолютно, как оно само, они должны быть действием отдельных существ <...> и раз они руководят действием эмпирических существ, то они должны быть отнесены к более высоким по внутреннему бытию и более могучим существам, чем существа нашего мира. Мы вынуждены допустить существование таких высших существ еще по двум причинам: это закон непрерывности и необходимость бессмертия душ.

<...> Но чтобы познать теперь природу существ вне нашего мира, их отношение с абсолютным существом и с нашей реальностью, – для этого познания наши обычные средства недостаточны. Но как только мы допустим существование этих существ, мы получим особые средства. Ибо эти существа, существуя и воздействуя на нас, открываются нам, или дают себя познать. Как <всякие> существа, эти существа являются индивидуальными, и, как высшие существа, они универсальны» (19, с. 41–43). И в другом месте: «Вселенная <...> представляет живой организм, состоящий из психических существ, различающихся по уровню их развития и по отношению трех начал. Всякое существо не существует здесь исключительно для себя, но лишь как часть целого» (19, с. 57). Космогенезис В. Соловьева точно выразил философ В.Ф.Эрн: «...Организм идей Соловьева, идеальный космос проникнут принципом иерархии. Свою высшую действительность существо низшего порядка, т.е. идея с меньшим богатством содержания – находит в существе высшего порядка, т.е. в идее с большим богатством содержания» (10, с. 171).

Реальная, живая связь с Существом Высшим, Иного плана бытия, именно Соловьеву позволяет утверждать о единстве миров; говорить о Вселенной, как о живом организме; о Боге, как субъективно-объективной реальности; о тройственной сути мира и человека.

И далее, проживая в Лондоне, В.Соловьев продолжает принимать информацию от Софии и делать записи: «...Я открою большую тайну. Люди могут господствовать над силами природы, если только они решительно откажутся от всех земных целей; ты ясно, о друг мой, видишь все, что нужно для этого. Ты должен стараться одолеть Демидурга в себе, чтобы овладеть силой его вне себя» (19, с. 73); «Одобряю мнение Сведенборга о ничтожестве человеческого ума в самом себе. Ты должен управляться безусловно влиянием свыше. Мы будем сообщать тебе посредством письма все, что ты должен делать относительно твоего дальнейшего просвещения светом духовным; я дотронулся до края ангельской одежды. Между мною и тобой <...> свет небес. София» (19, с. 173).

Необходимо сказать, что с Лондоном связаны важные события земной эволюции. В этом городе, в 1851 году, Е.П.Блаватская впервые встретила Учителя. «В хранилищах библиотеки Британского Музея, – пишет современный историк и философ Л.В.Шапошникова, – лежали письма будущих Учителей Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерих, в которых были

отражены те же идеи, которые волновали и Соловьева. Позже, в Лондоне, Елена Ивановна встретила первый раз своего Учителя. Там же Соловьеву явилась Та, которая вела его по жизни, оберегая и наставляя. В Лондоне писала свою «Тайную Доктрину» Елена Петровна Блаватская. Там завязывались узлы русской Тайны Космической эволюции человечества. Туда, а потом и оттуда тянулись серебряные нити Космических Иерархов, готовивших ту Духовную революцию России, которая сформировала новую мысль последнего века второго тысячелетия от Рождества Христова» (21, с. 168).

Но даже такая связь с Иным Миром не устраивала В.Соловьева. В поэме «Три свидания» он пишет:

Я ей сказал: «Твое лицо явилось,
Но всю тебя хочу я увидеть.
Чем для ребенка ты не поскупилась,
В том – юноше нельзя же отказать!»

«В Египте будь» – внутри раздался голос.
В Париж! – и к югу пар меня несет.
С рассудком чувство даже не боролось:
Рассудок промолчал, как идиот (17, 121).

Соловьев ждал Ее нового откровения, и когда раздался зов, он бросил все и без раздумий и колебаний помчался в Египет. 28 октября 1875 года философ покидает Лондон и через две недели прибывает в Каир, где поселяется в гостинице «Аббат». Там он сошелся близко с генералом Р.Фадеевым, дядей Е.П.Блаватской. Жизнь в Каире тянулась размеренно, все достопримечательности были осмотрены, деньги подходили к концу, а вестей от Нее все не поступало. Но Соловьев ждал «заветного свиданья». И однажды раздался Голос: «В пустыне я – иди туда за мной» (17, с. 122). Он незамедлительно отправляется в пустыню Сахару в обычном европейском костюме и в цилиндре. И в таком одеянии был принят бедуинами за черта, сначала схвачен ими, а затем благополучно отпущен. Тем временем настала ночь, и философу пришлось ночевать на голой земле при нуле градусов, прислушиваясь к завыванию шакалов и всматриваясь в странный и нездешний блеск разгоревшихся в ночи звезд:

И долго я лежал в дремоте жуткой,
И вот повеяло: «Усни, мой бедный друг!»
И я уснул; когда ж проснулся чутко, –
Дышали розами земля и неба круг.

И в пурпуре небесного блистанья
Очами полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Что есть, что было, что грядет вовеки –
Все обнял тут один недвижный взор...
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.

Все видел я, и все одно лишь было –
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, –
Передо мной, во мне – одна лишь ты.

О лучезарная! тобой я не обманут:
Я всю тебя в пустыне увидал ...

В душе моей те розы не завянут,
Куда бы ни умчал житейский вал.

Один лишь миг! Видение сокрылось –
И солнца шар всходил на небосклон.
В пустыне тишина. Душа молилась,
И не смолкал в ней благовестный звон.

<...>

Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье Божества (17, с. 123–124).

Сохранилось одно важное воспоминание о Соловьеве: «Просто, по-товарищески стал он рассказывать о своем путешествии в Египет, которое, по-видимому, произвело на него большое впечатление. Вспоминал особенно подробно о том, как посещал там различных аскетов, таившихся от людей, селившихся в шалашах по пустынным местностям, как на себе проверял их мистические экстазы. Хотел видеть знаменитый Фаворский свет – и видел» (3, с. 426–427).

В Египетской пустыне В.Соловьевым был совершен прорыв в Иную действительность, произошло преображение его сознания – «от живого к бессмертному» (7, с. 411). «Огненное Преображение, – пишет Л.В.Шапошникова, – или Преображение Светом, есть самый важный этап Космической эволюции человечества, ее главная цель. Без этого Преображения человек не сможет достичь вершины эволюционного восхождения. В основе этого процесса лежит рост напряженности энергетики человеческого духа, увеличение ее вибраций» (21, с. 134). В.Соловьев принял в сознание высшие энергии («безмерное в его размер входило»), во время его преображения присутствовала высоковибрационная энергетика («лазурный огонь») – Фаворский Свет. Философ осознал Единую Высшую Божественную основу мира. И «единое есть начало всякой множественности... Оно есть одно и все» (19, с. 91). Единство Космоса, Душа Мира – не некая объективность, а Индивидуальность – Вечная Женственность, София Премудрость Божия: «София: Таким образом знай, что существует великий сущностный закон, по которому всегда универсальность существа находится в прямой связи с его индивидуальностью: чем более существо индивидуально, тем более благодаря этому оно универсально» (19, с. 105). Соловьев получил возможность «заглянуть в окно Высшей реальности и увидеть там реальную Красоту не через символ, а напрямую. Такая реальная Красота позволяла перейти от искусства рукотворного к искусству жизни, к Красоте жизни и ее Преображению. В этом заключался новый виток творчества самого человечества. Путь Преображения самого человека шел через Красоту символическую к Красоте реальной, которая несла в наш плотный мир и в нашу жизнь свою

преображающую и просветляющую силу. Свет Фаворский сверкал Красотой реальной» (21, с. 139).

«Как философ и поэт, – писал философ Е.Н.Трубецкой, – он созерцал небесный свет в его бесчисленных здешних преломлениях и восходил, подобно Платону, от этих отражений к их первоисточнику» (10, с. 49). Как поэт, В.Соловьев опишет в своей поэзии реальную Красоту, Первоисточник. Как философ, в своих трудах объяснит, как устроен Высший Мир, как из Первоисточника творится Космос и теургическую причастность человека к этому вселенскому творчеству.

Процесс преобразования человеческого сознания в поэтической форме изложил Соловьев в стихотворении «Песня офитов»:

Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем,
Тайной пророческой грезой
Вечную истину мы обретаем.

Вещее слово скажите!
Жемчуг свой в чашу бросайте скорее!
Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древнего змея.

Вольному сердцу не больно...
Ей ли бояться огня Прометея?
Чистой голубке привольно
В пламенных кольцах могучего змея.

Пойте про ярые грозы,
В ярой грозе мы покой обретаем...
Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем (17, с. 25).

Сочетание «белой лилии с алою розою» – момент преобразования сознания человека («белая лилия»), проникновение его в Высший Мир («алая роза»). И «голубка» – дух человеческий – обретает свою истинную родину («огонь Прометея»). И там, в Огненном Мире, наш дух напитывается Вечной Мудростью («древний змий») и через сотворчество с Высшим («чистой голубке привольно / В пламенных кольцах могучего змея») – его главное предназначение – восстанавливает нарушенное единство миров («покой обретает»).

О своем опыте преобразования Я.Беме писал так: «И когда Дух мой <...> решительно вознесся к Богу, словно подхваченный великой бурей <...> прорвался сквозь адские врата и достиг внутреннего рождения Божества, и здесь я был объят Любовью, подобно той, с какой жених обнимает свою невесту. Но что это было за ликование в Духе – этого я не могу ни высказать, ни описать, это ни с чем невозможно сравнить, если только с тем, как среди смерти рождается жизнь, это сравнимо с воскресением из мертвых. В Свете этом мой Дух тот час проник зрением все насквозь: и во всякой твари, в зелени и в траве узнавал Бога – Кто Он, Как Он и Что есть Его Воля» (1, с. 21–22); «За пятнадцать минут я увидел и узнал больше, чем, если бы провел много лет в университете» (11, с. 289).

* * *

Вспомним и о благодатном событии в жизни восемнадцатилетнего юноши Данте, случившемся в 1283 году и то, как он описывает его: «Ровно через девять лет <...> после первого явления той благороднейшей <...> она явилась мне снова, в одежде белейшего цвета <...> и, проходя по улице, обратила глаза свои в ту сторону, где я стоял, в великом страхе; и с той несказанной милостью, за которую ныне чтут ее в мире ином, поклонилась мне так, что я,

казалось, достиг предела блаженства. <...> И в первый раз ее слова коснулись слуха моего так сладостно, что, вне себя, я бежал от людей в уединенную келью мою и начал думать об этой Любезнейшей. И, в мыслях этих, нашел на меня тишайший сон, и посетило меня чудесное видение: как бы огнецветное облако и, внутри его, образ Владыки с лицом для меня ужасным; но сам в себе казался он радостным. <...> И понял я из многого, что он говорил, только одно: “Я – твой владыка”. Девушка спала на руках его, вся обнаженная, только в прозрачной ткани цвета крови. <...> И в одной руке держал он что-то, горевшее пламенем, и сказал мне так: “Вот сердце твое!” И, подождав немного, разбудил спящую <...> и принудил ее вкусить от того, что пламенело в руке его. И она вкушала в сомнении. Вскоре же после того радость его обратилась в плачь <...> и, подняв на руках девушку, вознесся он с нею на небо. И, почувствовав такую скорбь, что легкий сон мой вынести ее не мог, <...> я проснулся» (8, с. 34–35).

«...Самый вопрос: что такое любовь Данте к Беатриче, – размышляет писатель и философ Д.С.Мережковский, – история или мистерия? – относится к религиозному, сверхисторическому порядку бытия.

Эта часть жизни Данте освещена, может быть, самым ярким, но как бы не нашим, светом невидимых для нас, инфракрасных и ультрафиолетовых, лучей. В этой любви у всего – запах, вкус, цвет, звук, осязаемость недействительного, нездешнего, чудесного, но не более ли действительного, чем все, что нам кажется таким, – в этом весь вопрос» (8, с. 39).

* * *

После событий в Египетской пустыне, по всей видимости, у В.Соловьева появляется постоянная связь с Софией, Подругой Вечной. Философ живет несколько месяцев в Каире, а затем в Италии и продолжает писать работу «София. Начала вселенского учения». И следующая ее часть носит диалогический характер и состоит из нескольких диалогов между Софией и философом. «Истинная вселенская религия, – утверждал Соловьев от имени Софии, – это реальный и свободный синтез всех религий, который не отнимает у них ничего положительного и дает им еще то, чего они не имеют. Единственное, что она разрушает, – это их узость, их исключительность, их взаимное отрицание, их эгоизм и их ненависть.

<...> Вселенская религия есть не только положительный синтез всех религий, но также и синтез религии, философии и науки, и затем сферы духовной, или внутренней вообще, со сферой внешней, с жизнью политической и социальной. Религия, становясь вселенской, теряет свой исключительный характер, она становится больше чем религией, она более не противопоставлена другим сферам человеческой жизни, но включает их в себя» (19, с. 79). Вспомним, что «Тайная Доктрина» Е.П.Блаватской есть синтез науки, религии и философии.

Далее в своем труде В.Соловьев занят онтологическими вопросами. Он подробно

рассматривает развитие Космоса из Абсолютного начала, его устройством по иерархическому принципу. «Таким образом, познание абсолютного начала в явлениях, – писал философ, – определяется как познание природной, или существенной, иерархии явлений. Абсолютное начало познается здесь не непосредственно в своей чистоте, но по отношению к явлениям как начало их иерархии» (19, с. 87).

Здесь Соловьев решает основной вопрос философии, как происходит взаимодействие между Абсолютом и миром явлений. Этот вопрос не смогла решить западноевропейская философия. Для нее Бог, Абсолют, Высшее начало были понятиями абстрактными, неживыми, чисто умозрительными. И в конце концов, западные ученые изъяли Высшее начало и из философии, и из жизни (как им казалось). В результате наука на Западе пришла к материализму. Е.И.Рерих писала: «Именно обособление Бога от Проявленной Природы и порождает все ошибки, все страшные противоречия» (12, с. 205).

Связывает Абсолют и Проявленную Вселенную, Дух и Материю, Субъект и Объект Иерархия Космических Сущностей, или София; «иерархия существ», по утверждению В.Соловьева (19, с. 91), или «То», по словам Е.П.Блаватской, «разумный посредник, руководящая сила всех проявлений, Божественная Мысль, переданная и проявленная Дхиан-Коганами, Строителями видимого Мира» (2, с. 60).

В следующей части своего труда В.Соловьев дает уже иерархическую лестницу земного мироустройства. Он пишет: «Она <София> находится в прямой связи с избранниками человечества... <...> Среди избранников первого порядка один находится в наиболее интимной связи с Софией и является великим священником человечества. Другие являются патриархами вселенской Церкви, или священниками первой ступени. Второй порядок, состоящий из женщин, образует первый совет. Потом идет третий порядок (второй мужской порядок), в котором священники второй ступени или митрополиты вселенской Церкви. Третий порядок составляют архиепископы, 4-й – епископы...» И так десять порядков. «Каждый мужской порядок имеет соответствующий совет, образованный из женского порядка. <...> Человечество разделено на 7 больших частей... Во главе каждой из этих больших частей стоит священник первого порядка; эти большие части разделены на меньшие, которыми руководят священники второго порядка...» (19, с. 155) и т.д.

После отъезда из Лондона в тетрадах Соловьева продолжают появляться записи информации, приходящие от Софии. Сохранились некоторые из них: «София. Поешь сегодня немного побольше. Я не хочу, чтобы ты обессилел. Мой дорогой. Мы хотим подготовить тебя к великой миссии, которую ты должен исполнить. Размышляй все время о началах. Не давай доступа мыслям отчаяния, но прогоняй также гордыню и честолюбие. Скажи, думал ли ты о твоём покончившем с собой друге Бибикове. София. Я уже говорила тебе, что ты должен сегодня поесть» (19, с. 355); «София: Отвечаю тебе: только земля населена человеческим родом. Начатки организации есть также и в других звездных мирах, но нет организмов, способных стать жилищем человеческих душ. София» (19, с. 103); «София. Я могу сказать тебе, что твоё обращение <далее нрзб.>» (19, с. 107); «Я радуюсь, что ты меня дос<тиг?>» (19, с. 117).

Французский писатель Э.-М.Вогюэ оставил воспоминания о В. Соловьеве его каирского периода жизни: «...Это был необыкновенный человек, одна из самобытнейших русских натур... Это была сила: он будил мысль, он неотразимо действовал на умы не столько своими сочинениями, доступными пониманию лишь меньшинства, сколько своей обаятельной личностью, своим красноречием. <...> Достаточно было раз взглянуть на это лицо, чтобы оно навсегда запечатлелось в вашей памяти: бледное, худощавое, полузакрытое массой длинный вьющихся волос, с прекрасными правильными очертаниями, все оно уходило в большие, дивные, пронизательные, мистические глаза, как бы олицетворяя собой мысль, едва прикрытую земной оболочкой. Такими лицами вдохновлялись древние монахи-иконописцы, когда пытались изобразить на иконах Христа славянского народа – любящего, вдумывающегося, скорбящего Христа» (3, с. 114–115).

О необычных способностях В.Соловьева, которые тот проявлял в Сорренто (Италия) писал С.М.Соловьев, племянник философа: «Н.Е.Ауэр недавно вышла замуж и очень тосковала о своём муже, находившемся в Петербурге. Однажды <...> Соловьев просил ее провести с ним вечер. Н<адежда> Е<вгеньевна> согласилась при условии, что Соловьев даст ей услышать голос или

звук скрипки ее мужа; подобно многим, она верила в магические способности Соловьева. Когда они остались одни, Соловьев вперил в нее такой взгляд, что ей сделалось страшно. Лампа сама потухла, в воздухе явственно пронесся звук отдаленной скрипки. Лампа вновь зажглась сама собой, а измученный напряжением Соловьев упал на колени перед Н<адеждой> Е<вгеньевной> и зарыдал...» (20, с. 127).

В заграничной командировке философ пробыл год. Его всю жизнь тянуло на Восток. Побывает он снова в Египте, но через много лет, в 1898 году. Тогда же думал ехать далее, но на путешествие не было денег. В том же году он напишет поэму «Три свидания»... «Он подумывал и о путешествии в Индию, куда его призывали таинственные голоса», – писал С.М.Соловьев (20, с. 130). О поездке в Индию В. Соловьев мечтал еще в 1875 году, когда при отъезде из Лондона сообщал в письме: «Отправляюсь в Египет и, может быть, в Индию» (14, с. 229). А где-то в 1880–1881 году у него появляется запись от Софии: «София. Я думаю, что ты должен непременно ехать в Индию. Я думаю, что ты начнешь там свое дело. <...> Милый мой, я люблю тебя бесконечно и для тебя могу отдать все, что мне дорого. Я может быть поеду с тобою. Милый мой, люби меня, так как я тебя люблю. София» (9, с. 73). Характерен и следующий сон, в котором В. Соловьев попадает на корабль, плывущий в Индию: «Вот я на палубе и заявляю капитану свое намерение ехать в Индию. Это отлично, – говорит он, – корабль идет прямо в Индию» (9, с. 72). А в одном его шуточном стихотворении есть следующие слова:

Ах, далеко за снежным Гималаем
Живет мой друг,
А я один... <...>
Но лишь засну – к Тибетским плоскогорьям,
Душа, лети! (17, с. 51–52).

Также и в поэме «Белая лилия» читаем:

Ах! далеко в Тибетском плоскогории
Живет мой друг.
А здесь один томлюсь в тоске и горе я...
Темно вокруг.
И лишь порой в тумане сновиденья
Я вижу то,
Что видеть мог без всяких затруднений я
Тому лет сто.
Иль, ослабев, умру с тоски и горя я,
Судьбам в укор,
Иль путь найду в Тибета плоскогорие
Через Куку-Нор (15, с. 240).

А последнее действие в поэме происходит в «большом запущенном саду вблизи южного Тибета» (15, с. 244).

И как пишет Л.В.Шапошникова: «Ко всему сказанному хотелось бы добавить еще одно – Е.П.Блаватская в то время еще была жива и находилась в прямом контакте с Учителями, с которыми позже сотрудничали Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи. Прямых указаний на связь Соловьева именно с этой группой Космических Иерархов у нас нет. Но поступающие “Оттуда” сообщения и записанный Соловьевым сон свидетельствуют о многом» (21, с. 169).

Отметим один важный момент из жизни Соловьева за границей. Вот, что пишет биограф философа С.М.Лукиянов: «Ни в Англии, ни во Франции, где, казалось бы, у него было бы так много случаев воспользоваться советами, внушениями и воздействиями со стороны прославленных деятелей ученого, философского, богословского и художественного мира, он не ощутил потребности к кому-нибудь прислониться, на кого-нибудь опереться, и отдавался своей внутренней работе совершенно самостоятельно и свободно, на свой риск и страх. <...> Он за

целый год заграничного житья не удосужился прослушать ни одной профессорской лекции, не завязал близких и прочных отношений ни с одним крупным специалистом-философом» (6, с. 362–363). Но всегда, во всех его писаниях и делах его: «Одна, одна над белою землею / Горит звезда» (17, с. 106). Это было то, о чем никто не знал. В. Соловьев самостоятельно создает новую философию, новое мировоззрение. В нем возрастает мыслитель, поэт-пророк, Новый человек.

Барон П.Черкасов оставил характерное воспоминание о В.Соловьеве: «В июле 1876 г. <...> я шел с покойной матерью по проезжей дороге, пролежавшей около парка нашего подмосковного имения: “Троицкое”. <...> Наше внимание было привлечено грохотом экипажа и конским топотом. Оказалось, что от старой калужской дороги несется кавалькада... Впереди кавалькады, на бойкой серой лошади, неся красивый брюнет с развевающимися по плечам волосами; пятки его, плотно прижатые к лошади, “придавали” последней ходу, и она неслась вовсю. А красивый всадник мрачного вида глядел куда-то вдаль и <...> летел дальше, размахивая локтями. <...> Далее выясняется, что “незнакомый всадник” – наш знакомец Вл. С.Соловьев. <...> Но не символична ли эта фигура красивого всадника мрачного вида, с развевающимися по плечам волосами, плотно прижимающего пятки к лошади и неловко размахивающего локтями, стремглав летящего вперед и глядящего куда-то вдаль?» (6, с. 364–365).

С осени 1876 года В.Соловьев начинает писать и публиковать свою новую работу «Философские начала цельного знания». Основной пафос этого труда заключался в декларации существования идеи в качестве живого существа (или Софии, имя которой остается в тени).

А в начале 1878 года он в Петербурге начинает «Чтения о Богочеловечестве», вызвавшие большой интерес у жителей столицы. По свидетельству Ф.М.Достоевского, это были «лекции, посещаемые чуть не тысячною толпою» (4, с. 491). Эти лекции – главный труд философа, где изложены основные идеи его философии: учения о Всеединстве и Богочеловечестве. Он утверждал, что реальное Всеединство возможно, если мы будем учитывать влияние иного или Высшего Мира на Землю, на человека и при этом мы должны знать, что иной мир наполнен живыми сущностями, представляющими иерархию различных уровней сознания. Соловьев писал: «...Положительное все (всечелость или полнота бытия) может находиться лишь в сверхприродной области, которая в противоположность миру вещественных явлений определяется как мир идеальных сущностей, царство идей» (16, с. 47–48). И далее: «Так является сложный организм существ; несколько таких организмов находят свой центр в другом существе с еще более общою или широкою идеей, являясь таким образом частями или органами нового организма высшего порядка, отвечающего или покрывающего собою все низшие, к нему относящиеся. Так постепенно восходя, мы доходим до самой общей и широкой идеи, которая должна внутренне покрывать собою все остальные» (16, с. 56). И еще: «...Общий характер идеального космоса <...> именно в том, что частные существа или идеи обнимаются другими более общими...» (16, с. 60). Весь Космос состоит, по мысли философа, из «метафизических существ» (16, с. 62), которые «обладают самосознанием и личностью» (16, с. 67). «Этим, – как пишет Соловьев, – дается нам впервые понятие живого Бога» (16, с. 67). Бог, по его утверждению, есть «живой организм» (16, с. 106), организм – духовный, божественный, универсальный и вместе с тем индивидуальный. Т.е. Бог, как организм универсальный, в состав которого входят «особенные существа» (16, с. 107) есть «по преимуществу особенное индивидуальное существо». Пример такого «индивидуального существа, или осуществленное выражение безусловно-сущего Бога, и есть Христос» (16, с. 108). Такими как Христос субъектами эволюции, стоящими на самых различных ступенях бесконечной Иерархической лестницы и одухотворен Космос. Здесь В.Соловьев, как и Е.П.Блаватская (один в России, другая на Западе), заговорил и прямо засвидетельствовал о Высшем Присутствии на Земле и показал главную особенность Христа и других Великих Учителей, их двойственность – космичность и человечность. Их способность пребывать в двух мирах – в Высшем, через который Они воздействуют на земной.

Мир Высший, или Божественный, разнопланов и, как пишет В.Соловьев, имеет три разряда «живых и индивидуальных сил», образующих три сферы: сферу чистых духов, сферу умов и сферу душ. «Все эти сферы находятся в тесной и неразрывной связи между собою, представляют полное внутреннее единство или солидарность между собою, так как каждая из них восполняет другую, необходима другой, утверждается другою. Каждая отдельная сила и каждая сфера ставит своим объектом, своею целью все другие, они составляют содержание ее жизни <...> и таким

образом одна неразрывная связь любви соединяет все бесчисленные элементы, составляющие божественный мир» (16, с. 110–111).

«...И наш природный мир, – продолжает Соловьев, – находится необходимо в тесной связи с этим божественным миром...» (16, с. 111). И человек, который есть «вечное и особенное существо, необходимое и незаменимое звено в абсолютном целом» (16, с. 119) является «связующим звеном между божественным и природным миром» (16, с. 113). Земной мир отпал от мирового единства, «распавшийся реально, но сохраняющий свое идеальное единство в скрытой потенции и стремлении. Постепенное осуществление этого стремления, постепенная реализация идеального всеединства составляет смысл и цель мирового процесса» (16, с. 134). И в этом процессе, по мнению В. Соловьева, главную роль играет человек, который «может от себя восхотеть быть как Бог» (16, с. 140). В наше время, считал философ, «начинается новый процесс развития самой этой <божественной> идеи, как начала внутреннего всеединства в форме сознания и свободной деятельности» (16, с. 139), т.е. в форме теургической; в наше время рождается «новый, духовный человек» (16, с. 149), Богочеловек, и «воплощение божественного Логоса в лице Иисуса Христа есть явление нового духовного человека» (16, с. 152). Христос явился в образе Богочеловека. Бог стал человеком, чтобы человеку стать Богом.

... В безмерной благостыне
Наш Бог земли своей не покидал
И всем единый путь от низменной гордыни
К всемирной высоте открыл и указал (17, с. 39).

«...Второй Адам <Иисус Христос>, – написал Соловьев, – не есть только это индивидуальное существо, но вместе с тем и универсальное, обнимающее собою все возрожденное духовное человечество. <...> Поистине, дело Христово не есть юридическая фикция, казуистическое решение невозможной тяжбы, – оно есть действительный подвиг, реальная борьба и победа над злым началом. Второй Адам <Иисус Христос> родился на земле не для совершения формально-юридического процесса, а для реального спасения человечества, для действительного избавления его из-под власти злой силы, для откровения в нем на деле царства Божия» (16, с. 152–153). И далее: «Должное отношение между Божеством и природой в человеке, достигнутое лицом Иисуса Христа как духовного средоточия или главы человечества, должно быть усвоено всем человечеством как телом Его.

<...> Это откровение и слава сынов Божиих, которой с надеждою ожидает вся тварь, есть полное провидение свободной богочеловеческой связи во всем человечестве во все сферы его жизни и деятельности; все эти сферы должны быть приведены к богочеловеческому согласному единству...» (16, с. 160–161). И «вследствие этого свободного сочетания породить духовное человечество» (16, с. 170).

Это главный завет всей жизни и всего творчества Владимира Соловьева. Завет и призыв ко всем нам – людям Земли, к Человеку.

Взыграй, дитя и бог, о, ты, кого во сне
Лелеял, привитая, Гений, –
И Ночи пленный сонм, тоскующий о Дне,
Зови на праздник воплощений!
Дай кровь Небытию, дай голос Немоте,
В безликий Хаос вергни краски,
И Жизнь воспламени в роскошной наготе,
В избытке упоенной пляски!

И ликам реющим их имя нареки
Творца безвольным произволом,
И Сокровенное Явленьем облеку,
И Несказанное Глаголом!
Немое таинство неумолимых уз

Расторгни пением Орфея,
И в обновленный мир прости рукою
Муз Дар Огненосца-Прометея! <...>
Под иго легкое склони послушный мир,
Ты, кто теней расторг верей!
Будь новый Демиург! Как Дант или Омир,
Зажги над солнцем Эмпирей!
Природа – знаменье и тень предвечных дел:
Твой замысел – ей символ равный.
Он есть: он – истина. Прах Фидиев истлел:
Но жив Отец громодержавный!

Сомкнуть творения предгорнее звено,
Ждет Человек своей свободы.
Дерзай, Прометиад: тебе свершить дано
Обетование Природы!
Творящей Матери наследник, воззови
Преображение Вселенной,
И на лице земном напечатлей в любви
Свой Идеал богоявленный!

(Вячеслав Иванов)

Литература

1. Беме Я. Теософия. СПб., 2000.
2. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. Мн., 1993. Т. 1. Кн. 1.
3. В.С.Соловьев: pro et contra. СПб., 2000.
4. Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1987.
5. Лукьянов С.М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. В 3-х кн. М., 1990. Кн. 1.
6. Лукьянов С.М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. В 3-х кн. М., 1990. Кн. 3. Вып. 1.
7. Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. М., 1996 .
8. Мережковский Д.С. Данте. Наполеон. М., 2000.
9. Наше Наследие, 2000, №55.
10. О Владимире Соловьеве. Томск, 1997.
11. Пятьсот лет гнозиса в Европе. Амстердам, 1993.
12. Рерих Е.И. Письма. Том III (1935). М., 2001.
13. Соловьев В.С. Собр. соч.: В 10 т. СПб., 1914. Т. 9.
14. Соловьев В.С. Письма. Брюссель, 1970. Т. 2.
15. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.
16. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. М., 1989. Т. 2.
17. Соловьев В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...». М., 1990.
18. Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. М., 2000. Т. 1.
19. Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. М., 2000. Т. 2.
20. Соловьев С.М. Владимир Соловьев: жизнь и творческая эволюция. М., 1997.
21. Шапошникова Л.В. Тернистый путь Красоты. М., 2001.

Гравюры на дереве В.А.Фаворского из книги: Данте. Новая Жизнь. М., 1965.